

За окном моросил дождик, и мне было грустно.

«Осень, – подумал я. – Осень похожа на пиликанье скрипки в руках неумелого музыканта: тягучее, тоскливое, а всё же красивое. Только зябко на душе от этой красоты».

У нас за стенкой соседский мальчик Миша Зайкин как раз на скрипке учится. Так весь подъезд его Терзайкиным прозвал. Как начнёт тренировку – сразу жильцы из дома бегут: кто в гости, кто в магазин, а кто собаку выгуливать. Сил нет Мишину игру слушать. Вот и осень – она такая же.

А тут ещё мама уехала. Отправилась в деревню навестить деда с бабушкой. Уже три дня навещает. А вернётся лишь завтра утром. Ведь завтра особенный день – мамин день рождения.

Я уже и подарок сделал: слепил из пластилина роскошную башню с оконцами, ставнями и острым куполом. А на самую маковку прикрепил три кленовых листка – жёлтый, зелёный и красный. Вот только башня какая-то одинокая получилась. Словно чего-то в ней не хватает.

Думал я, думал, как башню улучшить, – ничего не придумал.

Тут папа мне говорит:

—Шурка, ты чего нос повесил?

Я объяснил: не выходит подарок для мамы.

Папа сразу всё понял. Он вообще у меня понятливый. Он подумал немножко и спрашивает:

– Слушай, Шурик, а что если поселить в твоей башне солнечных зайчиков? Пусть живут там, внутри, а я их научу танцевать. Приедет мама, зайчики выпрыгнут из башни и станцуют для неё весенний вальс. Вот мама обрадуется!

Я говорю:

– Ты, папа, хорошо придумал. Пусть это будет наш общий подарок. Только где мы возьмём солнечных зайчиков? Ведь за окном тучи. Ни единого луча солнышка. И станцуют ли зайчики весенний вальс, когда на дворе осень?

– А мы таких зайчиков наловим, что станцуют, – успокоил меня папа.

– Где? – удивился я.

– На Майском лугу, – объяснил папа.

Я навострил уши: семь лет живу на свете, а никогда про Майский луг не слышал.

– Где же он, – спрашиваю, – луг этот?

– Там, где всегда весна, – сказал папа, посмотрел в окно и улыбнулся так, словно сквозь дождь и слякоть видел что-то далёкое и хорошее.

Я понял: папа что-то задумал. Мне стало интересно. Ведь мой папа немножко волшебник. Совсем чуть-чуть, но и это иногда немало.

А папа принял поэтический вид и сказал мне стихами:

*– Собирайся скорее в дорогу, дружок,
Мы из осени съездим в весну на часок.*

И я пошёл одеваться. Папа тоже надел пальто, взял зонтик, а мне дал сачок:

– Будешь зайчиков ловить.

Мы взяли большую морскую ракушку. Когда-то в ней шумело море, но потом выдохлось и умолкло. С тех пор ракушка лежала на столике под зеркалом просто для красоты.

Ракушку папа положил в сумку, заодно собрал кой-какие припасы и весеннюю одежду мне на смену – ведь на Майском лугу будет жарко.

В последний момент, уже перед самым выходом, папа вдруг спохватился и сунул в карман старый флакончик из-под маминых духов. На флакончике была нарисована ветка сирени. А сверху на нём была кнопка, чтобы брызгать сиреневым запахом.

Когда-то я с этим флакончиком охотился на дворового кота. Кончилось дело плохо, правда, не для кота, а для меня. Кот взобрался на дерево и смотрел на меня свысока, а флакончик быстро опустел, и мне за это влетело от мамы. Но было это страшно давно, ещё в прошлом году. Я в ту пору был ещё маленький, а теперь поумнел. Я теперь на котов не охочусь, ни с флакончиками, ни без.

Пока я вспоминал детство, подъехал лифт, и вскоре мы с папой вышли на улицу. Был уже вечер, дождь лил не переставая.

Папа раскрыл зонтик, взял меня за руку, и мы зашагали к метро.

– А ты бывал на Майском лугу? – спросил я папу, пока мы шли. – Ты знаешь дорогу?

– Мы там познакомились с твоей мамой, – сказал папа шёпотом и весело посмотрел на меня, а я крепче сжал его руку.

Мимо пробегали редкие прохожие, кутаясь в плащи. С клёнов порой слетали пожелтевшие листья. Папа наклонился, подхватил пару листочков и спрятал в карман пальто.

Дождь усилился, поднялся ветер. Зонтик чуть не вырвался у папы из рук. Погода становилась всё хуже. Но папу это ничуть не расстроило. А когда мы были уже у входа в метро, загредел гром и в небе блеснула молния.

Я немножко боюсь грозу, но с папой мне ничего не страшно. И всё-таки мне хотелось поскорей спуститься в метро, где будет тепло и сухо. Однако папа почему-то замешкался, передал мне зонтик, а сам достал из кармана сиреневый флакончик.

– Он же пустой, – напомнил я на всякий случай.

– Сейчас, сейчас, – сказал папа.

Тут снова сверкнула молния, а папа как-то по-особенному повернул флакончик, нажал на кнопку, и я увидел яркую вспышку. Это молния, превратившись в тонкую изогнутую искру, скользнула прямо внутрь флакончика. Дождь сразу приутих и забарабанил редкими каплями.

– Вот так, – довольно сказал папа, сунул флакончик в карман, и мы спустились в метро.

Там было много народу. Все люди куда-то спешили, а от их одежды шёл пар.

– Ну, Шурка, теперь гляди в оба, – сказал мне папа. – Как увидишь синюю дверцу с золотым нарисованным солнышком, дай мне знать.

– А разве нам не на поезд? – удивился я.

– Обычные поезда до Майского луга не ходят, – объяснил папа.

Я принялся озираться по сторонам. Мы шли по длинному подземному переходу. Впереди были кассы, где продавались билеты. Перед кассами стояли очереди. В стене перехода я увидел железную дверь, но она была совсем не синяя, а какая-то серая и унылая. К тому же на ней висел замок.

– Это служебный вход, – сказал мне папа. – Туда нам не надо.

И мы прошли мимо.

Очень скоро мы оказались в кассовом зале. Здесь не было совсем никаких дверей, только окошки, за которыми сидели две тётеньки-билетёрши. А ещё в этом зале стояли большие билетные автоматы.

Тут папа подмигнул мне и кивком показал на один такой автомат.

Я ничего не понял. Автомат – высокий железный ящик серебристого цвета – стоял у стены и совсем не похож был на синюю дверь.

Но папа коснулся его зонтиком, и автомат тихонько отъехал в сторону, да так незаметно, что люди в очереди даже не обернулись. А в стене, которую раньше загораживал ящик, обнаружилась маленькая небесно-синяя дверца – чуть выше моего роста. И в самой середине этой дверцы было нарисовано золотое весёлое солнышко.

Папа приложил к рисунку ладонь, и солнышко вдруг повернулось, словно сказочный колобок, а лучи его затрепетали.

В тот же миг дверца со скрипом отворилась. Папа сделал мне знак следовать за ним, пригнулся и протиснулся в узкий проём. Я юркнул следом. И дверца за нами захлопнулась.

Мы оказались на маленькой узкой платформе, полутёмной, со сводчатым потолком. С потолка свешивались красивые хрустальные люстры, и лампочки в них давали неяркий зеленоватый свет. Кроме нас с папой, здесь больше никого не было, и мне стало немного не по себе.

– Не бойся, Шурик, – подбодрил меня папа. – Сейчас придёт паровоз.

В самом деле, послышалось негромкое пыхтение, и к платформе подъехал белый паровозик, тоже маленький, с двумя вагончиками.

Паровозик замедлил ход, остановился, двери вагонов раскрылись, и мы с папой шагнули внутрь.

Там было тепло и уютно. У окошек стояли мягкие скамейки: три ряда слева и три справа. Но пассажиров не было и здесь.

– Мало кто верит в чудеса, – вздохнул папа. – Поэтому и на Майский луг почти никто не ездит.

Мы с папой заняли места. Я устроился у окошка. А сачок положил под лавку.

– Смотри не забудь, – предостерег меня папа. – А то нечем будет зайчиков ловить.

– Не забуду, – я махнул рукой. – Это ж дедушка мне подарил. Мы с дедом всё лето в деревне бабочек ловили.

Тут послышался громкий голос:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Весна.

Двери закрылись, и паровоз тронулся в путь.

Сначала за окнами ничего было не разглядеть, потому что мы въехали в туннель. Изредка только мигали сигнальные фонари. Поэтому мы с папой решили перекусить.

Папа достал из сумки два больших бутерброда, обернутых блестящей фольгой. Фольгу папа ловко свернул в трубку – получилась серебристая дудочка. А бутерброды мы съели.

Затем папа осмотрелся и недовольно покачал головой.

– Наследили мы с тобой, Шурик.

И вправду, на чистом, словно домашнем, полу вагона отпечатались мокрые следы наших сапог.

Папа взял зонтик, встряхнул его хорошенько, щёлкнул пальцами, и зонтик превратился в настоящую швабру. Этой шваброй папа вытер следы и, довольный, уселся на место.

Я вдруг всполошился:

– Пап, а билеты у нас есть? Что если кондуктор войдёт?

– Держи, – улыбнулся папа и протянул мне жёлтый кленовый листок, один из тех, что он подобрал по пути к метро. – В этом поезде принимают только такие билеты.

Другой лист, большой и красный, папа оставил себе.

Между тем паровоз выехал из туннеля, и я ахнул. Ведь уже был совсем поздний час, но за окнами оказалось светло как днём.

Я прильнул носом к стеклу. Паровоз бежал через поле. Дождя не было. Тучи почти разошлись, и сквозь них пробивалось жаркое солнце. Я привстал, открыл верхнюю створку окна и высунул нос наружу.

– Не высовывайся, – сказал папа.

– Ну, па-ап, – протянул я. – Здесь так здорово! Ветер дует прямо в лицо. Можно я немножко так постою?

– Только недолго, – сдался папа. – И смотри не простудись.

Скоро мы въехали в лес. Сразу стало темнее. Паровоз мчался мимо высоких сосен, елей и всяких других деревьев, которые я даже не знал как называются.

Сделалось жарко. Папа прошёл по вагону и открыл все окна.

– Скоро уже приедем, – сказал он.

Затем он достал из сумки мою футболку, шорты и свёрток с сандалиями. Я переоделся. Папа тоже снял пальто.

Вдруг за окном что-то ухнуло, затем ещё раз, и я увидел, как в форточку соседнего окна просунулась пернатая голова с клювом. Круглые желтые глаза сердито уставились на меня. Я обмер от страха.

Но папа не растерялся. Он схватил швабру, которой недавно протирал пол, и ткнул ею жуткую птичью голову. С обиженным уханьем незваная гостья скрылась за окном.

– К-кто это б-был? – испуганно спросил я.

– Сыч, – пожал плечами папа. – Или сова. Зря я окна открыл. Тут в лесу опасная живность водится.

И будто в подтверждение его слов послышалось грозное рычание: я заметил, как из лесной чащи выскочил большой тёмно-серый зверь и пустился вскачь, догоняя наш паровозик. Это был волк.

– Эге, – сказал папа. – Такого приятеля шваброй не одолеешь.

Я сжался на сиденье, но не мог оторвать взгляд от окна. Волк быстро нагнал поезд и, сделав огромный прыжок, вскочил прямо на подножку нашего вагона. И замер там, тяжело дыша и облизываясь. В окно он пролезть, конечно, не мог, но хотел, наверно, доехать с нами до Майского луга, чтобы там съесть нас обоих.

У меня зуб на зуб не попадал от ужаса. Зато папа ничуть не испугался. Он вытащил сиреневый флакончик, высунулся из окна перед самым носом у волка и нажал на флакончике кнопку.

В тот же миг из флакончика вылетела сверкающая молния, грянул гром, и волк кубарем покатился в лесную чащу, подвывая от пережитого страха. А в небо над паровозиком поднялась небольшая тучка и окатила лес тёплым дождиком. Капли дождя источали лёгкий сиреневый аромат.

– Больше волк к нам не сунется, – довольно заявил папа. – И всем друзьям своим в лесу расскажет, что от нас лучше держаться подальше.

Вот такой у меня папа – самый храбрый папа на свете!

А ещё через несколько минут поезд выехал из леса и вскоре остановился. Машинист объявил:

– Станция Весна. Выход на платформу «Майский луг». Будьте внимательны, стоянка продлится ровно час. Не опаздывайте, пожалуйста.

Папа взял с собой ракушку, я достал из-под лавки сачок, и мы вышли на платформу.

Только никакой платформы не оказалось. Паровоз стоял прямо на зелёной лужайке. А кругом во все стороны простирался бескрайний цветочный луг. Здесь росли незабудки, ромашки, клевер... Особенно много было одуванчиков.

Небо совсем расчистилось, и сверху теперь сияло ясное солнышко. А воздух был сладкий-сладкий, как бывает только весной.

Я почувствовал, как меня переполняет радость. Хотелось бегать, смеяться, кувыркаться.

Папа тоже осматривался вокруг с жизнерадостным видом. А затем обвёл широким жестом цветущее поле:

– Вот такой он и есть, Майский луг.

– Да-а! – как зачарованный, выдохнул я.

– Ну что, Шурик, пробегись немножко, и займёмся охотой на солнечных зайцев?

Я не заставил себя упрашивать и помчался прямо по лугу, а сердце моё то замирало от восторга, то принималось стучать быстро-быстро.

В воздухе стоял несмолкаемый гул – щебетали птицы, жужжали жуки и пчёлы. Бесшумно порхали бабочки.

Где-то в отдалении журчал ручей, и на берегу его играли дети. Но я к ним не побежал: успею ещё. Сначала – подарок для мамы.

Запыхавшись от быстрого бега, я вернулся к папе, подхватил сачок, и мы вместе стали высматривать шустрых солнечных зайчиков.

Вот один сияющий заяц спрыгнул с солнечного луча на верхушку одуванчика. Хоп! Я накрыл его сачком.

Заяц весело залопотал, захихикал. Ему нравилось со мной играть.

Папа достал ракушку, хранившую память о море. Я приподнял сачок, поманил зайца, и тот перебрался в ракушку, выставив уши наружу.

Вскоре мы наловили с дюжину солнечных зайчиков. Не всем им хотелось сидеть в ракушке: двое особенно непоседливых всё время норовили выпрыгнуть, и мы их отпустили.

Папа сказал:

– Пойду поищу-ка я жаворонка.

– Зачем тебе жаворонок? – спросил я.

– А кто сплет песню для заячьих танцев?

Он достал свою дудочку из фольги, заиграл, и на звук слетелись разные птицы – малиновки, стрижи, щеглы, синицы...

Папа прислушался к их голосам, а потом извлёк из своей дудочки особо хитрую трель, и все птицы разом умолкли. Только одна птичка с хохолком на макушке продолжала петь. Это и был жаворонок. Папа повернул к нему морскую ракушку, а сидевшие внутри зайцы приподняли уши: уж больно красиво пел жаворонок.

Когда песня утихла, папа подмигнул жаворонку, тот расправил крылья и взвился в небо, а вслед за ним улетела и вся разнопёрая стая. Папа же поднёс ракушку к уху, послушал с минутку и удовлетворённо покачал головой:

– Хорошая мелодия, маме понравится.

Мне на ладошку опустился большой майский жук.

– Возьмём его домой? – спросил я у папы.

– Не стоит. Жук ведь не заяц. Он погибнет в холодных краях. У нас сейчас сентябрь, а ему нужен май.

И я выпустил жука на волю.

– Пойду поиграю с ребятами, – сказал я. И взял на всякий случай сачок и ракушку: вдруг поймаю ещё симпатичного зайца?

– Только не опоздай, – кивнул папа. – Паровоз даст три гудка и дальше ждать не будет.

– Я быстро! – крикнул я и побежал к ручейку.

Но ребят там уже не было. Только их голоса доносились откуда-то издали. Я осмотрелся. У самого берега, за холмом, росло небольшое, но крепкое деревце. Должно быть, дикая яблоня.

«Заберусь наверх, – решил я. – Авось разгляжу, куда все подевались».

Сачок я положил на траву, а ракушку не решился оставить и сунул за пазуху, чтобы зайцы не разбежались.

Вскрабкавшись на упругий сучок, я увидел, что ручей в отдалении разливается в настоящую речку. И там пришвартован к берегу белый пароходик. На него по дощатым мосткам как раз поднимались дети. Было и несколько взрослых.

– Э-ге-гей! – крикнул я и помахал пароходнику рукой.

Одна девочка, ещё остававшаяся на берегу, помахала мне тоже и позвала:

– Давай к нам!

Я хотел ей ответить, но впопыхах оступился и чуть не сорвался вниз. Лишь чудом ухватившись за ветки, я удержался на

дереве. Но ракушка с зайцами выскользнула у меня из-за пазухи и шлепнулась в траву. Раздался глухой удар. Солнечные зайчики прыснули во все стороны!

– Что я наделал! – воскликнул я.

Разжав руки, я мешком плюхнулся наземь. Ушибся я не сильно. Куда больше я волновался за ракушку: неужто она разбилась? Что же будет с маминим подарком?

Но ракушка была цела. Вот только зайцев в ней не осталось. Лишь песенка жаворонка переливчато зазвучала, когда я поднес ракушку к уху.

В этот миг послышался топот, и ко мне подбежала та самая девочка, из-за которой я чуть не упал. Она была в простом зелёном платице и босиком. А сама – сероглазая, светловолосая, голова вся в маленьких кудряшках.

– Всё из-за тебя! – сердито воскликнул я.

– Ты чего? – удивилась девочка, совсем не обидевшись. И мне стало стыдно. Не она ж виновата, что я такой неуклюжий.

– Видишь, зайцы разбежались, – объяснил я. – Мы с папой их собирали, маме на день рожденья. А теперь... Эх...

– Не унывай, – сказала мне девочка. – Сейчас обратно наловим. Бери сачок! Тебя как зовут? Я – Таня.

– А я Шурик, – сказал я.

И в этот миг прозвучал гудок – громкий и долгий, как сказочный горн.

– Не успеем! – в отчаянии воскликнул я. – Паровоз вот-вот отправится.

– Мы быстро! – возразила Таня. – Ещё два гудка будет.

С этими словами она метнулась в траву, сомкнула ладошки и через секунду уже протягивала мне веселого сверкающего зайца. Я мигом упрятал его в ракушку. Схватил сачок, повернулся, накрыл второго зайчика в лепестках ромашки, а Таня тем временем ловила третьего.

– Зайчики далеко не ускачут, – объяснила мне Таня. – Они всегда стайкой держатся, друг от дружки далеко не отходят. Каждый зайчик всегда знает, где его братья и сёстры.

– Шурка! – послышался взволнованный папин голос. – Где ты? Давай скорее!

Я лихорадочно заметался. Таня тоже заторопилась, но казалась совсем спокойной.

– Ты на Майском лугу в первый раз? – спросила она, вручая мне пятого зайца.

– Угу, – сказал я. Под листом лопуха притаился шестой заяц, и я старался его не спугнуть.

– Шурик, ну где же ты?! – звал меня папа. Он был за холмом и не мог меня видеть.

Заяц из-под лопуха убежал. Но я ухватил другого, сидевшего на стебельке маргаритки.

– Вы с папой откуда приехали? – спросила Таня.

– Из города... – начал было я, но тут раздался второй гудок и сердце замерло у меня в груди.

– А мы с сестрёнкой из июля приплыли, – как ни в чём не бывало сказала Таня. – Наш пароход тоже скоро отправится. Но ты не переживай, ещё минутка у тебя есть.

– Из июля... – повторил я, засовывая в ракушку девятого зайца. – А мы из сентября.

– Шурик, чертёнок! – воскликнул папа. – Мчись сюда, живо! Опоздаем же!

Тогда я решил, что девяти зайцев вполне достаточно. Надо бежать.

Но Таня протягивала мне десятого – прямо на вытянутой ладошке.

– Оставь себе на память! – крикнул я на бегу и, не оборачиваясь, понёсся туда, откуда звал меня папа.

– Ты приедешь ещё? – вслед мне прокричала Таня. Но я не ответил. Некогда было.

Папа наконец заметил меня, махнул рукой в сторону паровозика, и мы помчались как угорелые. Ракушку я прижимал к груди обеими руками. Хоть бы только не уронить!

Третий гудок прозвучал, когда нам осталось добежать лишь несколько шагов. Поезд тронулся. И тогда папа подхватил меня на руки и совершил грандиозный прыжок – ничуть не хуже давешнего волка. Мы очутились на подножке последнего вагона. Папа осторожно поставил меня на ступеньку рядом с собой, открыл дверцу, и мы ввалились в тамбур, еле переводя дух.

– Уфф, – сказал папа, когда мы заняли свои места. – Ну ты, Шурка, даёшь. Я тебя зову-зову... ещё чуть-чуть, опоздали бы.

Я тоже отдышался и только тогда рассказал папе, что случилось. Про белый пароходик, про разбежавшихся зайцев и про девочку Таню, которая помогла мне их собрать.

– Ничего, – сказал папа и похлопал меня по плечу. – Всё хорошо, что хорошо кончается.

И тут я спохватился: а где сачок?!

Конечно! Я ж забыл его там, у дерева. Вот беда! Я готов уже был разреветься. Дедушкин ведь подарок... Но папа посоветовал мне не отчаиваться.

– Когда-нибудь мы снова поедem на Майский луг, – сказал он. – Быть может,

сачок и найдётся. Ведь там всегда май, всегда часок, время идёт по кругу. Приедем, а сачок там так и лежит.

Я вздохнул:

– Может быть...

А потом я вдруг понял, что ужасно устал. Так устал, что глаза закрываются. Всё-таки это был самый удивительный день в моей жизни.

– Папа, – спросил я, – ты не против, если я немного посилю?

– Что ты, Шурик, конечно, спи, – улыбнулся папа и погладил меня по голове.

Я свернулся калачиком на сиденье, положил голову папе на колени, и сон навалился на меня, как пушистое тёплое одеяло...

Я не помнил, как мы добрались домой. Наверное, папа принёс меня на руках, а может, применил какое-нибудь волшебство. Только проснулся я в своей кровати. А дома уже была мама. И за окнами брезжил хмурый сентябрьский день. Но дома у нас было светло и весело: по комнатам носились неугомонные солнечные зайчики, кувыркаясь и играя друг с дружкой и с нами.

Мама, смеясь, обняла меня:

– Ах ты мой отважный путешественник! Привет тебе от бабушки с бабушкой!

– С днем рождения, мама! – сказал я.

А вечером был праздник. Мама испекла малиновый пирог. Мы с папой «вручили» ей наш подарок: я подвёл маму к башне из пластилина, папа принёс ракушку, постучал по ней пальцем, и раздалась песня жаворонка. Под эту песню прямо из башни, изо всех её окон и дверок, выпорхнули девять солнечных зайцев и закружились в весёлом танце.

Они вспрыгнули на стол, и на зеркало, пробежались по стенам, по дверцам комода, один заяц даже забрался мне на нос – мне стало щекотно, и я чихнул. Под конец зайцы станцевали вокруг праздничного пирога, помахали едва заметными хвостиками и дружно юркнули в башню. Таков был весенний вальс солнечных зайчиков!

Мама хлопала в ладоши, расцеловала нас с папой, и мы пошли есть пирог.

Это был замечательный вечер. И я сделался такой счастливый, словно сам превратился в солнечного зайца. Вот только чуть-чуть было грустно, что потерялся дедушкин сачок. И что с Таней я так и не попрощался...

Но на следующее утро меня ждал сюрприз.

– Шурик! К тебе гости! – позвала меня мама из коридора.

Я очень удивился: кто бы это мог быть? Если Димка, мой лучший друг, мама так и сказала бы: «К тебе Дима пришёл».

– Сейчас чайник поставлю, – приветливо говорила кому-то мама. – Приходите с Шуркой на кухню.

Я выбежал в коридор. На пороге стояла Таня. Одета она была по-осеннему: в пальто, шапке и резиновых сапогах. Но я её сразу узнал. К тому же на плече у неё сидел солнечный заяц и грыз солнечную морковку. А в руке Таня держала сачок – мой сачок, тот самый, который я забыл на Майском лугу.

Сердце мое радостно забилося.

– Привет, Шурка, – сказала Таня. – Вот, держи. – И протянула мне сачок.

– Таня! – от изумления я захлопал глазами. – Как ты меня нашла?

– Меня твой заяц привёл, – улыбнулась Таня. – Я ж тебе говорила: зайчик всегда дорогу найдёт к своим сестрицам и братцам.

Заяц соскочил с её плеча и запрыгал по стенам.

– Он два месяца по своим тосковал, – добавила Таня. – Да и я всё лето гадала: увидимся ли ещё? Ты так быстро тогда убежал.

– Два месяца? – я ничего не понимал.

– Так ведь наш пароход пришёл из июля, а твой поезд из сентября, – напомнила Таня и лукаво посмотрела на меня.

– И правда! – сообразил я.

– А теперь на Майский луг уж не попасть, – Таня вздохнула. – Корабли туда больше не плавают, поезда не идут. Твой паровоз был последним.

Я погрустнел на минутку, а потом сказал:

– Нет, Таня. Мне папа обещал, что мы ещё съездим на Майский луг. А мой папа всё знает! Даже высоту горы Джомолунгмы.

Ещё я хотел прибавить, что уж папе-то верю, ведь он лучший папа на свете. Но не стал. Вдруг Таня обидится? Всё-таки у каждого ребёнка папа с мамой свои.

Таня молча покачала головой.

– Чай готов! – послышалось с кухни. И к нам вышли мама и папа. Они держались за руки и с улыбкой смотрели на нас.

– Заходи, Таня, – сказал тогда я. – Будем, как зайцы, дружить. Хочешь?

И Таня, покраснев от смущения, кивнула:

– Конечно!